

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ
КАЛМЫКИЯ
«КАЛМЫЦКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ
ОБРАЗОВАНИЯ»

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ДНЕВНИК
«ИСТИНА-ДОБРО-КРАСОТА»
ПОСОБИЕ ПО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
для обучающихся 7 класса
*(из опыта работы учителя русского языка и литературы
МБОУ «СОШ №23 им.П.М. Эрдниева» Очировой Т.А.)*

Элиста

2022

Читательский дневник «ИСТИНА – ДОБРО – КРАСОТА» Пособие по внеурочной деятельности для обучающихся 7 класса (из опыта работы учителя русского языка и литературы МБОУ «СОШ №23 им.П.М. Эрдниева» Очировой Т.А.)

Авторы-составители: Очирова Т.А., учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ №23 им.П.М. Эрдниева»; Ашкинова Л.П., старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков, литературы

Научный руководитель: Мунчинова Л.Д., к.п.н., ректор БУ ДПО РК «КРИПКРО», Заслуженный учитель РФ

Редакционная коллегия: Мушаева Б.Н., проректор по НМР "КРИПКРО»; Кегельтиева Б.Ч., старший методист учебно-методического и информационно-издательского отдела «КРИПКРО»

Печатается по решению учебно-методического совета БУ ДПО РК «Калмыцкий республиканский институт повышения квалификации работников образования»

Настоящее пособие (читательский дневник) посвящено вопросам анализа художественного произведения. Читательский дневник - это незаменимый помощник школьника любого возраста. С его помощью ученик сможет лучше запомнить и понять произведение, научиться делать выводы из прочитанного и разовьёт культуру читателя. Работа с читательским дневником способствует развитию воображения, развитию внимания и развитию памяти. В пособии даются различные виды анализа художественного произведения, установлен характер вопросов для учащихся, использованы методические приемы работы с художественным текстом. Обучение анализу художественного текста – обязательное требование современного литературного образования.

Авторский текст сохранен.

Издательство БУ ДПО РК «КРИПКРО»

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

пособие

для

обучающихся 7 классов

учени _____ школы № _____

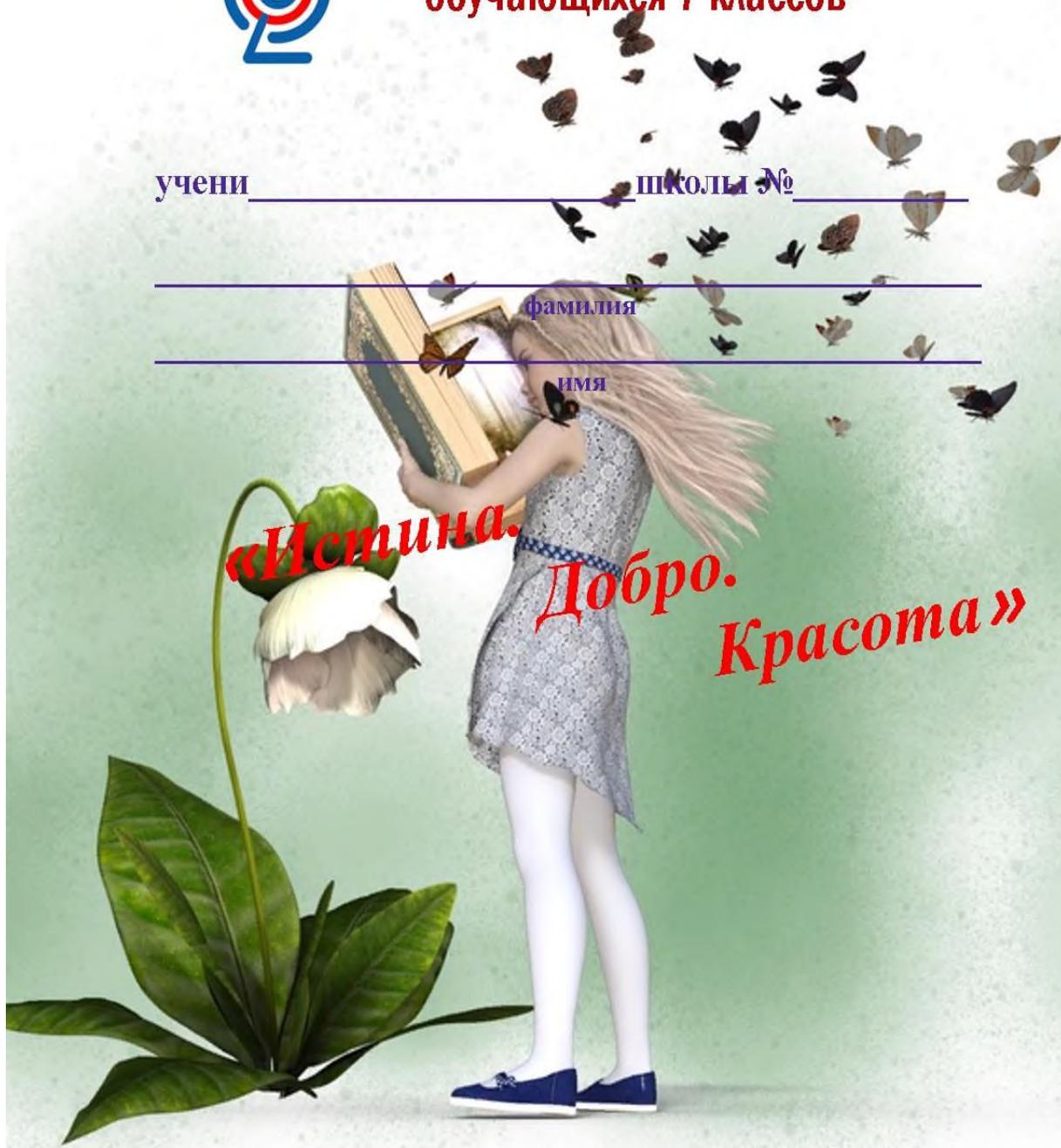
_____ фамилия

_____ имя

«Истина.

Добро.

Красота»

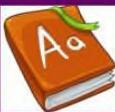
Условные обозначения

Афиша

Познакомься с произведением

Пополни свой словарь

Поразмышляй над прочитанным

Творческая мастерская

Мысли, которыми ты готов поделиться

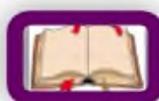
Приглашаем в библиотеку

Афиша

Рассказ А.П. Платонова «Юшка» о человеке, которого не принимает общество, только потому, что он живет не так как все. На него показывают пальцем, его обижают дети и взрослые. Он совсем по-другому реагирует на все, в его сердце нет злобы, мстительности. Ему говорят, что он ненужный человек, а он отвечает, что любой человек, раз он родился, значит он для чего-то нужен.

Что стало с героем в дальнейшем, вы узнаете, прочитав этот маленький рассказ с очень глубоким смыслом

Познакомьтесь с произведением

Давно, в старинное время, жил у нас на улице старый на вид человек. Он работал в кузнице при большой московской дороге; он работал подручным помощником у главного кузнеца, потому что он плохо видел глазами и в руках у него мало было силы. Он носил в кузницу воду, песок и уголь, раздувал мехом горн, держал клещами горячее железо на наковальне, когда главный кузнец отковывал его, вводил лошадь в станок, чтобы ковать её, и делал всякую другую работу, которую нужно было делать. Звали его Ефимом, но все люди называли его Юшкой. Он был мал ростом и худ; на сморщенном лице его, вместо усов и бороды, росли по отдельности редкие седые волосы; глаза же у него были белые, как у слепца, и в них всегда стояла влага, как не остывающие слёзы.

Юшка жил на квартире у хозяина кузницы, на кухне. Утром он шёл в кузницу, а вечером шёл обратно на ночлег. Хозяин кормил его за работу хлебом, щами и кашей, а чай, сахар и одежда у Юшки были свои; он их должен покупать за своё жалованье - семь рублей и шестьдесят копеек в месяц.

Но Юшка чаю не пил и сахару не покупал, он пил воду, а одежду носил долгие годы одну и ту же без смены: летом он ходил в штанах и в блузе, чёрных и закопчённых от работы, прожжённых искрами насквозь, так что в нескольких местах видно было его белое тело, и босой, зимою же он надевал поверх блузы ещё полушубок, доставшийся ему от умершего отца, а ноги обувал в валенки, которые он подшивал с осени, и носил всякую зиму всю жизнь одну и ту же пару.

Когда Юшка рано утром шёл по улице в кузницу, то старики и старухи подымались и говорили, что вон Юшка уж работать пошёл, пора вставать, и будили молодых. А вечером, когда Юшка проходил на ночлег, то люди говорили, что пора ужинать и спать ложиться - вон и Юшка уж спать пошёл.

А малые дети и даже те, которые стали подростками, они, увидя тихо бредущего старого Юшку, переставали играть на улице, бежали за Юшкой и кричали:

- Вон Юшка идёт! Вон Юшка!

Дети поднимали с земли сухие ветки, камешки, сор горстями и бросали в Юшку.

- Юшка! - кричали дети. - Ты правда Юшка?

Старик ничего не отвечал детям и не обижался на них; он шёл так же тихо, как прежде, и не закрывал своего лица, в которое попадали камешки и земляной сор.

Дети удивлялись Юшке, что он живой, а сам не сердает на них. И они снова окликали старика:

- Юшка, ты правда или нет?

Затем дети снова бросали в него предметы с земли, подбегали к нему, трогали его и толкали, не понимая, почему он не поругает их, не возьмёт хворостину и не погонится за ними, как все большие люди делают. Дети не знали другого такого человека, и они думали - вправду ли Юшка живой? Потрогав Юшку руками или ударив его, они видели, что он твёрдый и живой.

Тогда дети опять толкали Юшку и кидали в него комья земли, - пусть он лучше злится, раз он вправду живёт на свете. Но Юшка шёл и молчал. Тогда сами дети начинали сердать на Юшку. Им было скучно и нехорошо играть, если Юшка всегда молчит, не пугает их и не гонится за ними. И они ещё сильнее толкали старика и кричали вокруг него, чтоб он отозвался им злом и развеселил их. Тогда бы они отбежали от него и в испуге, в радости снова бы дразнили его издали и звали к себе, убегая затем прятаться в сумрак вечера, в сени домов, в заросли садов и огородов.

Но Юшка не трогал их и не отвечал им.

Когда же дети вовсе останавливали Юшку или делали ему слишком больно, он говорил им:

- Чего вы, родные мои, чего вы, маленькие!.. Вы, должно быть, любите меня!.. Отчего я вам всем нужен?.. Обождите, не надо меня трогать, вы мне в глаза землёй попали, я не вижу.

Дети не слышали и не понимали его. Они по-прежнему толкали Юшку и смеялись над ним. Они радовались тому, что с ним можно всё делать, что хочешь, а он им ничего не делает.

Юшка тоже радовался. Он знал, отчего дети смеются над ним и мучают его. Он верил, что дети любят его, что он нужен им, только они не умеют любить человека и не знают, что делать для любви, и поэтому терзают его.

Дома отцы и матери упрекали детей, когда они плохо учились или не слушались родителей: «Вот ты будешь такой же, как Юшка! Вырастешь, и будешь ходить летом босой, а зимой в худых валенках, и все тебя будут мучить, и чаю с сахаром не будешь пить, а одну воду!» Взрослые пожилые люди, встретив Юшку на улице, тоже иногда обижали его. У взрослых людей бывало злое горе или обида, или они были пьяными, тогда сердце их наполнялось лютой яростью. Увидев Юшку, шедшего в кузницу или ко двору на ночлег, взрослый человек говорил ему:

- Да что ты такой блажной, непохожий ходишь тут? Чего ты думаешь такое особенное?

Юшка останавливался, слушал и молчал в ответ.

-Слов у тебя, что ли, нету, животное такое! Ты живи просто и честно, как я живу, а тайно ничего не думай! Говори, будешь так жить, как надо? Не будешь? Ага!.. Ну ладно!

И после разговора, во время которого Юшка молчал, взрослый человек убеждался, что Юшка во всём виноват, и тут же бил его. От кротости Юшки взрослый человек приходил в ожесточение и бил его больше, чем хотел сначала, и в этом зле забывал на время своё горе.

Юшка потом долго лежал в пыли на дороге. Очнувшись, он вставал сам, а иногда за ним приходила дочь хозяина кузницы, она подымала его и уводила с собой.

- Лучше бы ты умер, Юшка, - говорила хозяйская дочь. - Зачем ты живёшь?

Юшка глядел на неё с удивлением. Он не понимал, зачем ему умирать, когда он родился жить.

- Это отец-мать меня родили, их воля была, - отвечал Юшка, - мне нельзя помирать, и я отцу твоему в кузне помогаю.

- Другой бы на твоё место нашёлся, помощник какой!

- Меня, Даша, народ любит!

Даша смеялась.

- У тебя сейчас кровь на щеке, а на прошлой неделе тебе ухо разорвали, а ты говоришь - народ тебя любит!..

- Он меня без понятия любит, - говорил Юшка. - Сердце в людях бывает слепое.

- Сердце-то в них слепое, да глаза у них зрячие! - произносила Даша. - Иди скорее, что ль! Любят-то они по сердцу, да бьют тебя по расчёту.

- По расчёту они на меня серчают, это правда, - соглашался Юшка. - Они мне улицей ходить не велят и тело калечат.

- Эх ты, Юшка, Юшка! - вздыхала Даша. - А ты ведь, отец говорил, нестарый ещё!

- Какой я старый!.. Я грудью с детства страдаю, это я от болезни на вид оплошал и старым стал...

По этой своей болезни Юшка каждое лето уходил от хозяина на месяц. Он уходил пешком в глухую дальнюю деревню, где у него жили, должно быть, родственники. Никто не знал, кем они ему приходились.

Даже сам Юшка забывал, и в одно лето он говорил, что в деревне у него живёт вдовья сестра, а в другое, что там племянница. Иной раз он говорил, что идёт в деревню, а в иной, что в самоё Москву. А люди думали, что в дальней деревне живёт Юшкина любимая дочь, такая же незлобная и лишняя людям, как отец.

В июне или августе месяце Юшка надевал на плечи котомку с хлебом и уходил из нашего города. В пути он дышал благоуханием трав и лесов, смотрел на белые облака, рождающиеся в небе, плывущие и умирающие в светлой воздушной теплоте, слушал голос рек, бормочущих на каменных перекатах, и больная грудь Юшки отдыхала, он более не чувствовал своего недуга - чахотки. Уйдя далеко, где было вовсе безлюдно, Юшка не скрывал более своей любви к живым существам. Он склонялся к земле и целовал цветы, стараясь не дышать на них, чтоб они не испортились от его дыхания, он гладил кору на деревьях и подымал с тропинки бабочек и жуков, которые пали за смертью, и долго всматривался в их лица, чувствуя себя без них осиротевшим. Но живые птицы пели в небе, стрекозы, жуки и работающие кузнечики издавали в траве весёлые звуки, и поэтому на душе у Юшки было легко, в грудь его входил сладкий воздух цветов, пахнувших влагой и солнечным светом.

По дороге Юшка отдыхал. Он садился в тень подорожного дерева и дремал в покое и тепле. Отдохнув, отдышавшись в поле, он не помнил более о болезни и шёл весело дальше, как здоровый человек. Юшке было сорок лет от роду, но болезнь давно уже мучила его и состарила прежде времени, так что он всем казался ветхим. И так каждый год уходил Юшка через поля, леса и реки в дальнюю деревню или в Москву, где его ожидал кто-то или никто не ждал, - об этом никому в городе не было известно.

Через месяц Юшка обыкновенно возвращался обратно в город и опять работал с утра до вечера в кузнице. Он снова начинал жить по-прежнему, и опять дети и взрослые, жители улицы, потешались над Юшкой, упрекали его за безответную глупость и терзали его.

Юшка смиренно жил до лета будущего года, а среди лета надевал котомку за плечи, складывал в отдельный мешочек деньги, что заработал и накопил за год, всего рублей сто, вешал тот мешочек себе за пазуху на грудь и уходил неизвестно куда и неизвестно к кому.

Но год от году Юшка всё более слабел, потому шло и проходило время его жизни, и грудная болезнь мучила его тело и истощала его. В одно лето, когда Юшке уже подходил срок отправляться в свою дальнюю деревню, он никуда не пошёл. Он брёл, как обычно вечером, уже затемно из кузницы к хозяину на ночлег. Весёлый прохожий, знавший Юшку, посмеялся над ним:

- Чего ты землю нашу топчешь, божье чучело! Хоть бы ты помер, что ли, может, веселее бы стало без тебя, а то я боюсь соскучиться...

И здесь Юшка осерчал в ответ - должно быть, первый раз в жизни.

- А чего я тебе, чем я вам мешаю!.. Я жить родителями поставлен, я по закону родился, я тоже всему свету нужен, как и ты, без меня тоже, значит, нельзя...

Прохожий, не дослушав Юшку, рассердился на него:

- Да ты что! Ты чего заговорил? Как ты смеешь меня, самого меня с собой равнять, юрод негодный!

- Я не равняю, - сказал Юшка, - а по надобности мы все равны...

- Ты мне не мудруй! - закричал прохожий. - Я сам помудрей тебя! Ишь, разговорился, я тебя выучу уму!

Замахнувшись, прохожий с силой злобы толкнул Юшку в грудь, и тот упал навзничь.

- Отдохни, - сказал прохожий и ушёл домой пить чай.

Полежав, Юшка повернулся вниз лицом и более не пошевелился, и не поднялся.

Вскоре проходил мимо один человек, столяр из мебельной мастерской.

Он окликнул Юшку, потом переложил его на спину и увидел во тьме белые открытые неподвижные глаза Юшки. Рот его был чёрен; столяр вытер уста Юшки ладонью и понял, что это была спёкшаяся кровь. Он опробовал ещё место, где лежала голова Юшки лицом вниз, и почувствовал, что земля там была сырая, её залила кровь, хлынувшая горлом из Юшки.

- Помер, - вздохнул столяр. - Прощай, Юшка, и нас всех прости. Забраковали тебя люди, а кто тебе судья!..

Хозяин кузницы приготовил Юшку к погребению. Дочь хозяина Даша омыла тело Юшки, и его положили на стол в доме кузнеца. К телу умершего пришли проститься с ним все люди, старые и малые, весь народ, который знал Юшку и потешался над ним и мучил его при жизни.

Потом Юшку похоронили и забыли его. Однако без Юшки жить людям стало хуже. Теперь вся злоба и глумление оставались среди людей и тратились меж ними, потому что не было Юшки, безответно терпевшего всякое чужое зло, ожесточение, насмешку и недоброжелательство.

Снова вспомнили про Юшку лишь глубокой осенью. В один тёмный непогожий день в кузницу пришла юная девушка и спросила у хозяина-кузнеца: где ей найти Ефима Дмитриевича?

- Какого Ефима Дмитриевича? - удивился кузнец. - У нас такого сроду тут и не было.

Девушка, выслушав, не ушла, однако, и молча ожидала чего-то. Кузнец поглядел на неё: что за гостью ему принесла непогода. Девушка на вид была тщедушна и невелика ростом, но мягкое чистое лицо её было столь нежно и кротко, а большие серые глаза глядели так грустно, словно они готовы были вот-вот наполниться слезами, что кузнец подобрел сердцем, глядя на гостью, и вдруг догадался:

- Уж не Юшка ли он? Так и есть - по паспорту он писался Дмитричем...

- Юшка, - прошептала девушка. - Это правда. Сам себя он называл Юшкой.

Кузнец помолчал.

- А вы кто ему будете? Родственница, что ль?

- Я никто. Я сиротой была, а Ефим Дмитриевич поместил меня, маленькую, в семейство в Москве, потом отдал в школу с пансионом... Каждый год он приходил проводить меня и приносил деньги на весь год, чтоб я жила и училась. Теперь я выросла, я уже окончила университет, а Ефим Дмитриевич в нынешнее лето не пришёл меня проведать. Скажите мне, где же он, - он говорил, что работал у вас двадцать пять лет...

- Половина полвека прошло, состарились вместе, - сказал кузнец.

Он закрыл кузницу и повёл гостью на кладбище.

Там девушка припала к земле, в которой лежал мёртвый Юшка, человек, кормивший её с детства, никогда не евший сахара, чтоб она ела его.

Она знала, чем болел Юшка, и теперь сама окончила ученье на врача и приехала сюда, чтобы лечить того, кто её любил больше всего на свете и кого она сама любила всем теплом и светом своего сердца...

С тех пор прошло много времени. Девушка-врач осталась навсегда в нашем городе. Она стала работать в больнице для чахоточных, она ходила по домам, где были туберкулёзные больные, и ни с кого не брала платы за свой труд. Теперь она сама уже тоже состарилась, однако по - прежнему весь день она лечит и утешает больных людей, не утомляясь утолять страдание и отдалять смерть от ослабевших. И все её знают в городе, называя дочерью доброго Юшки, забыв давno самого Юшку и то, что она не приходилась ему дочерью.

Пополни свой словарь

СЛОВО	ЗНАЧЕНИЕ

Поразмышляй над прочитанным

Рассказ называется «Юшка». Объясните значение слова «юшка».

1. О каких вечных истинах напоминает людям автор рассказа?
2. Как автор объясняет, почему взрослые обижали его? А что вы думаете по этому поводу?
3. Прав ли Юшка, когда говорил Даше, что народ его любить? Что он делал для этого?
4. Хотел ли прохожий смерти Юшки? Как ты прокомментируешь слова : «Однако без Юшки жить людям стало хуже»

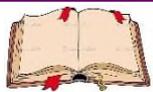
Афиша

Часто говорят, что книги чему-то учат. Но как можно научить любви, состраданию, человечности? Этому нельзя научить. Однако об этом можно рассказать так, чтобы пробудить лучшие чувства, заложенные в душе каждого из нас. Рассказать так, как это сделал Гавриил Троепольский в повести «Белый Бим черное ухо»

Эта книга о верном и до конца преданном сеттере Биме, о добрых и злых людях, о взаимоотношении человека и природы.

Здесь только начало повести. Если хочешь узнать о судьбе Бима, прочитай повесть до конца или посмотри художественный фильм.

Познакомься с произведением

Жалобно и, казалось, безнадежно он вдруг начинал скулить, неуклюже переваливаясь туда-сюда, — искал мать. Тогда хозяин сажал его себе на колени и совал в ротик соску с молоком.

Да и что оставалось делать месячному щенку, если он ничего еще не понимал в жизни ровным счетом, а матери все нет и нет, несмотря ни на какие жалобы. Вот он и пытался задавать грустные концерты. Хотя, впрочем, засыпал на руках хозяина в объятиях с бутылочкой молока.

Но на четвертый день малыш уже стал привыкать к теплоте рук человека. Щенки очень быстро начинают отзываться на ласку.

Имени своего он еще не знал, но через неделю точно установил, что он — Бим.

В два месяца он с удивлением увидел вещи: высоченный для щенка письменный стол, а на стене — ружье, охотничью сумку и лицо человека с длинными волосами. Ко всему этому быстренько привык. Ничего удивительного не было уже и в том, что человек на стене неподвижен: раз не шевелится — интерес небольшой. Правда, несколько позже, потом, он нет-нет да и посмотрит: что бы это значило — лицо выглядывает из рамки, как из окошка?

Вторая стена была занимательнее. Она вся состояла из разных брусочков, каждый из которых хозяин мог вытащить и вставить обратно. В возрасте четырех месяцев, когда Бим уже смог дотянуться на задних лапках, он сам вытащил брусочек и попытался его исследовать. Но тот зашелестел почему-то и оставил в зубах Бима листок. Очень забавно было раздирать на мелкие части тот листок.

— Это еще что?! — прикрикнул хозяин. — Нельзя! — и тыкал Бима носом в книжку. — Бим, нельзя. Нельзя!

После такого внушения даже человек откажется от чтения, но Бим — нет: он долго и внимательно смотрел на книги, склоняя голову то на один бок, то на другой. И, видимо, решил так: раз уж нельзя эту, возьму другую. Он тихонько вцепился в корешок и утащил это самое под диван, там отжевал сначала один угол переплета, потом второй, а забывшись, выволок незадачливую книгу на середину комнаты и начал терзать лапами играючи, да еще и с припрыгом.

Вот тут-то он и узнал впервые, что такое «больно» и что такое «нельзя». Хозяин встал из-за стола и строго сказал:

— Нельзя! — и трепанул за ухо. — Ты же мне, глупая твоя голова, «Библию для верующих и неверующих» изорвал. — И опять: — Нельзя! Книги — нельзя! — Он еще раз дернул за ухо.

Бим взвизгнул да и поднял все четыре лапы кверху. Так лежа на спине, он смотрел на хозяина и не мог понять, что же, собственно, происходит.

— Нельзя! Нельзя! — долбил тот нарочито и совал снова и снова книгу к носу, но уже не наказывал. Потом поднял щенка на руки, гладил и говорил одно и то же: — Нельзя, мальчик, нельзя, глупыш. — И сел. И посадил на колени.

Так в раннем возрасте Бим получил от хозяина мораль через «Библию для верующих и неверующих». Бим лизнул ему руку и внимательно смотрел в лицо.

Он уже любил, когда хозяин с ним разговаривал, но понимал пока всего лишь два слова: «Бим» и «нельзя». И все же очень, очень интересно наблюдать, как свисают на лоб белые волосы, шевелятся добрые губы и как прикасаются к шерстке теплые, ласковые пальцы. Зато Бим уже абсолютно точно умел определить — веселый сейчас хозяин или грустный, ругает он или хвалит, зовет или прогоняет.

А он бывал и грустным. Тогда говорил сам с собой и обращался к Биму:

— Так-то вот и живем, дурачок. Ты чего смотришь на нее? — указывал он на портрет. — Она, брат, умерла. Нет ее. Нет... — Он гладил Бима и в полной уверенности приговаривал: — Ах ты мой дурачок, Бимка. Ничего ты еще не понимаешь.

Но прав был он лишь отчасти, так как Бим понимал, что сейчас играть с ним не будут, да и слово «дурачок» принимал на свой счет, и «мальчик» — тоже. Так что когда его большой друг окликал дурачком или мальчиком, то Бим шел немедленно, как на кличку. А раз уж он, в таком возрасте, осваивал интонацию голоса, то, конечно же, обещал быть умнейшей собакой.

Но только ли ум определяет положение собаки среди своих собратьев? К сожалению, нет. Кроме умственных задатков, у Бима не все было в порядке.

Правда, он родился от породистых родителей, сеттеров, с длинной родословной. У каждого его предка был личный листок, свидетельство. Хозяин мог бы по этим анкетам не только дойти до прадеда и прабабки Бима, но и знать, при желании, прадедого прадеда и прабабушкину прабабушку. Это все, конечно, хорошо. Но дело в том, что Бим при всех достоинствах имел большой недостаток, который потом сильно отразился на его судьбе: хотя он был из породы шотландских сеттеров (сеттер-гордон), но окрас оказался абсолютно нетипичным — вот в чем и соль. По стандартам охотничьих собак сеттер-гордон должен быть обязательно черный, с блестящим синеватым отливом — цвета воронова крыла, и обязательно с четко отграниченными яркими отметинами, рыже-красными подпалинами, даже белые отметины считаются большим пороком у гордонов. Бим же выродился таким: туловище белое, но с рыженькими подпалинами и даже чуть заметным рыжим крапом, только одно ухо и одна нога черные, действительно — как вороново крыло, второе ухо мягкого желтовато-рыженького цвета. Даже удивительно подобное явление: по всем статьям — сеттер-гордон, а окрас — ну ничего похожего. Какой-то далекий-далекий предок взял вот и выскочил в Биме: родители — гордоны, а он — альбинос породы.

В общем-то, с такой разноцветностью ушей и с подпалинками под большими умными темно - карими глазами морда Бима была даже симпатичней, приметней, может быть, даже умнее или, как бы сказать, философичней, раздумчивей, чем у обычных собак. И право же, все это нельзя даже назвать мордой, а скорее — собачьим лицом. Но по законам кинологии белый окрас, в конкретном случае, считается признаком вырождения. Во всем — красавец, а по стандартам шерстного покрова — явно сомнительный и даже порочный. Такая вот беда была у Бима.

Конечно, Бим не понимал вины своего рождения, поскольку и щенкам не дано природой до появления на свет выбирать родителей. Биму просто не дано и думать об этом. Он жил себе и пока радовался.

Но хозяин-то беспокоился: дадут ли на Бима родословное свидетельство, которое закрепило бы его положение среди охотничьих собак, или он останется пожизненным изгоем? Это будет известно лишь в шестимесячном возрасте, когда щенок (опять же по законам кинологии) определится и оформится в близкое к тому, что называется породной собакой.

Владелец матери Бима, в общем-то уже решил было выбраковать белого из помета, то есть утопить, но нашелся чудак, которому стало жаль такого красавца. Чудак тот и был теперешним хозяином Бима: глаза ему понравились, видите ли, умные. Надо же! А теперь и стоит вопрос: дадут или не дадут родословную?

Тем временем хозяин пытался разгадать, откуда такая аномалия у Бима. Он перевернул все книги по охоте и собаководству, чтобы хоть немного приблизиться к истине и доказать со временем, что Бим не виноват. Именно для этого он и начал выписывать из разных книг в толстую общую тетрадь все, что могло оправдать Бима как действительного представителя породы сеттеров. Бим был уже его другом, а друзей всегда надо выручать. В противном случае — не ходить Биму победителем на выставках, не греметь золотыми медалями на груди: какой бы он ни был золотой собакой на охоте, из породных он будет исключен.

Какая же все-таки несправедливость на белом свете!

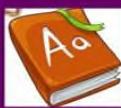

Так теплая дружба и преданность становились счастьем, потому что каждый понимал каждого и каждый не требовал от другого больше того, что он может дать. В этом основа, соль дружбы.

К двум годам Бим стал отличной охотничьей собакой, доверчивой и честной. Он знал уже около ста слов, относящихся к охоте и дому: скажи Иван Иваныч «подай» — будет сделано, скажи он «подай тапки» — подаст, «неси миску» — принесет, «на стул!» — сядет на стул. Да что там! По глазам уже понимал: хорошо смотрит хозяин на человека, и Биму он — знакомый с той же минуты, недружелюбно глянет — и Бим иной раз даже и взрычит, даже лесть (ласковую лесть) он улавливал в голосе чужого. Но никогда и никого Бим не укусил — хоть на хвост наступи. Лаем предупредит ночью, что к костру подходит чужой, пожалуйста, но укусить — ни в коем случае. Такая уж интеллигентная порода.

Что до интеллигентности, то Бим даже умел так: научился сам, дошел своим умом, царапаться в дверь, чтобы открыли. Бывало, заболит Иван Иваныч и не идет с ним гулять, а выпускает одного. Бим побегаёт малость, управится, как и полагается, и спешит домой. Поцарапает в дверь, став на задние лапы, чуть поскулит просяще, и дверь открывается. Хозяин, тяжело шлепая по прихожей, встречает, ласкает и снова ложится в постель. Это когда он, пожилой человек, прихварывал (кстати, побаливал он все чаще, чего Бим не мог не заметить). Бим твердо усвоил: поцарапайся в дверь, тебе откроют обязательно — двери и существуют для того, чтобы каждый мог войти: попросись — тебя впустят. С собачьей точки зрения, это было уже твердое убеждение.

Только не знал Бим, не знал и не мог знать, сколько потом будет разочарований и бед от такой наивной доверчивости, не знал и не мог знать, что есть двери, которые не открываются, сколько в них ни царапайся.

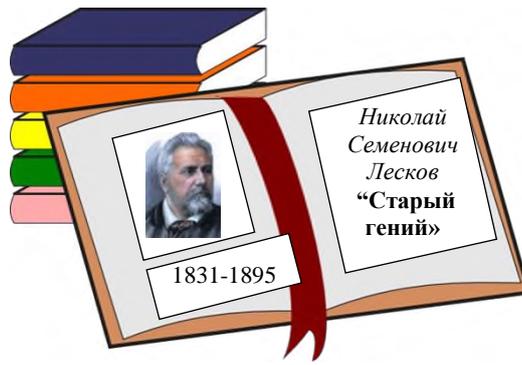
Пополни свой словарь

СЛОВО	ЗНАЧЕНИЕ

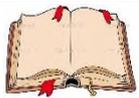
Поразмышляй над прочитанным

1. Главный герой повести – Бим.
- Какой он? Как рос Бим? Как он воспитывался? Почему хозяина волновала судьба собаки? Что можно сказать о чертах характера Бима?
2. Какие чувства у вас вызвала эта история?
3. Какой эпизод повести взволновал вас больше всего?
4. Почему повесть так названа?
5. Как бы вы поступили, если бы вы встретили в своей

Афиша

В этом коротком рассказе Н.С.Лесков показал своё мастерство. Здесь, как и во всех его произведениях, чувствуется любовь писателя к простым людям. И святая доверчивость, и неординарная смекалка простого русского человека, всегда одерживают победу над непробиваемой стеной чиновников и плутов. Произведение читается на одном дыхании и относится к святочным рассказам.

Познакомьтесь с произведением

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Несколько лет назад в Петербург приехала маленькая старушка-помещица, у которой было, по ее словам, «вопиющее дело». Дело это заключалось в том, что она по своей сердечной доброте и простоте, чисто из одного участия, выручила из беды одного великосветского франта, — заложив для него свой домик, составлявший все достояние старушки и ее недвижимой, увечной дочери да внучки. Дом был заложен в пятнадцать тысяч, которые франт полностью взял, с обязательством уплатить в самый короткий срок. Добрая старушка этому верила, да и не мудрено было не верить, потому что должник принадлежал к одной из лучших фамилий, имел перед собою блестящую карьеру и получал хорошие доходы с имений и хорошее жалованье по службе. Денежные затруднения, из которых старушка его выручила, были последствием какого-то мимолетного увлечения или неосторожности за картами в дворянском клубе, что поправить ему было, конечно, очень легко, — «лишь бы только доехать до Петербурга».

Старушка знавала когда-то мать этого господина и, во имя старой приязни, помогла ему; он благополучно уехал в Питер, а затем, разумеется, началась довольно обыкновенная в подобных случаях игра в кошку и мышку. Приходят сроки, старушка напоминает о себе письмами — сначала самыми мягкими, потом немножко пожестче, а наконец, и бранится — намекает, что «это нечестно», но должник ее был зверь травленный и все равно ни на какие ее письма не отвечал. А между тем время уходит, приближается срок закладной — и перед бедной женщиной, которая уповала дожить свой век в своем домишке, вдруг разверзается страшная перспектива холода и голода с увечной дочерью и маленькою внучкою. Старушка в отчаянии поручила свою больную и ребенка доброй соседке, а сама собрала кое-какие крохи и полетела в Петербург «хлопотать».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Хлопоты ее вначале были очень успешны: адвокат ей встретился участливый и милостивый, и в суде ей решение вышло скорое и благоприятное, но как дошло дело до исполнения — тут и пошла закорюка, да такая, что и ума к ней приложить было невозможно. Не то, чтобы полиция или иные какие пристава должнику мирволили — говорят, что тот им самим давно надоел и что они все старушку очень жалеют и рады ей помочь, да не смеют.. Было у него какое-то такое могущественное родство или свойство, что нельзя было его приструнить, как всякого иного грешника. О силе и значении этих связей достоверно не знаю, да думаю, что это и не важно. Все равно — какая бабушка ему ни ворожила и все на милость переложила. Не умею тоже вам рассказать в точности, что над ним надо было учинить, но знаю, что нужно было «вручить должнику с распискою» какую-то бумагу, и вот этого-то никто — никакие лица никакого уряда — не могли сделать. К кому старушка ни обратится, все ей в одном роде советуют:

— Ах, сударыня, и охота же вам! Бросьте лучше! Нам очень вас жаль, да что делать, когда он никому не платит.. Утешьтесь тем, что не вы первая, не вы и последняя.

— Батюшки мои, — отвечает старушка, — да какое же мне в этом утешение, что не мне одной худо будет? Я бы, голубчики, гораздо лучше желала, чтобы и мне и всем другим хорошо было.

— Ну, — отвечают, — чтоб всем-то хорошо — вы уж это оставьте, — это специалисты выдумали, и это невозможно. А та, в простоте своей, пристаёт:— Почему же невозможно? У него состояние во всяком случае больше, чем он всем нам должен, и пусть он должное отдаст, а ему еще много останется.

— Э, сударыня, у кого «много», тем никогда много не бывает, а им всегда недостаточно, но главное дело в том, что он платить не привык, и если очень докучать станете — может вам неприятность сделать.

— Какую неприятность?— Ну, что вам спрашивать: гуляйте лучше тихонько по Невскому проспекту, а то вдруг уедете.

— Ну, извините, — говорит старушка, — я вам не поверю: он замотался, но человек хороший.

— Да, — отвечают, — конечно, он барин хороший, но только дурной платить; а если кто этим занялся, тот и все дурное сделает.

Ну, так тогда употребите меры.

— Да вот тут-то, — отвечают, — и точка с запятой: мы не можем против всех «употреблять меры». Зачем с такими знались.

— Какая же разница? А вопрошаемые на нее только посмотрят да отвернутся или даже предложат идти высшим жаловаться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ходила она и к высшим. Там и доступ труднее и разговору меньше, да и отвлеченнее. Говорят: «Да где он? о нем доносят, что его нет!»

— Помилуйте, — плачет старушка, — да я его всякий день на улице вижу — он в своем доме живет.

— Это вовсе и не его дом. У него нет дома: это дом его жены.

— Ведь это все равно: муж и жена — одна сатана.

— Да это вы так судите, но закон судит иначе. Жена на него тоже счета предъявляла и жаловалась суду, и он у нее не значится... Он, черт его знает, он всем нам надоел, — и зачем вы ему деньги давали! Когда он в Петербурге бывает — он прописывается где-то в меблированных комнатах, но там не живет. А если вы думаете, что мы его защищаем или нам его жалко, то вы очень ошибаетесь: ищите его, поймайте, — это ваше дело, — тогда ему «вручат». Утешительнее этого старушка ни на каких высотах ничего не добила, и, по провинциальной подозрительности, стала шептать, будто все это «оттого, что сухая ложка рот дерет».

— Что ты, — говорит, — мне ни уверяй, а я вижу, что все оно от того же самого движет, что надо смазать.

Пошла она «мазать» и пришла еще более огорченная. Говорит, что «прямо с целой тысячи начала», то есть обещала тысячу рублей из взысканных денег, но ее и слушать не хотели, а когда она, благоразумно прибавляя, насулила до трех тысяч, то ее даже попросили выйти.

Трех тысяч не берут за то только, чтобы бумажку вручить! Ведь это что же такое?... Нет, прежде лучше было.

— Ну, тоже, — напоминаю ей, — забыли вы, верно, как тогда хорошо шло: кто больше дал, тот и прав был.

Это, — отвечает, — твоя совершенная правда, но только между старинными чиновниками бывали отчаянные доки. Бывало, его спросишь: «Можно ли?» — а он отвечает: «В России невозможности нет», и вдруг выдумку выдумает и сделает. Вот мне и теперь один такой объявился и пристаёт ко мне, да не знаю: верить или нет? Мы с ним вместе в Мариинском пассаже у саечника Василья обедаем, потому что я ведь теперь экономлю и над каждым грошем трясусь — горячего уже давно не ем, все на дело берегу, а он, верно, тоже по бедности или питуший... но преубедительно говорит: «дайте мне пятьсот рублей — я вручу». Как ты об этом думаешь?

Голубушка моя, — отвечаю ей, — уверяю вас, что вы меня своим горем очень трогаете, но я и своих-то дел вести не умею и решительно ничего не могу вам посоветовать. Расспросили бы вы по крайней мере о нем кого-нибудь: кто он такой и кто за него поручиться может?

Да уж я саечника расспрашивала, только он ничего не знает. «Так, говорит, надо думать, или купец притишил торговлю, или подупавший из каких-нибудь своих благородий»

Ну, самого его прямо спросите.

— Спрашивала — кто он такой и какой на нем чин? «Это, говорит, в нашем обществе рассказывать совсем лишнее и не принято; называйте меня Иван Иваныч, а чин на мне из четырнадцати овчин, — какую захочу, ту вверх шерстью и выворочу».

— Ну вот видите, — это, выходит, совсем какая-то темная личность.— Да, темная... «Чин из четырнадцати овчин» — это я понимаю, так как я сама за чиновником была. Это значит, что он четырнадцатого класса. А насчет имени и рекомендаций прямо объявляет, что «насчет рекомендаций, говорит, я ими пренебрегаю и у меня их нет, а я гениальные мысли в своем лбу имею и знаю достойных людей, которые всякий мой план готовы привести за триста рублей в исполнение».

«Почему же, батюшка, непременно триста?»

«А так — уж это у нас такой прификс, с которого мы уступать не желаем и больше не берем».

«Ничего, сударь, не понимаю».

. «Да и не надо. Нынешние ведь много тысяч берут, а мы сотни. Мне двести за мысль и за руководство да триста исполнительному герою, в соразмере, что он может за исполнение три месяца в тюрьме сидеть, и конец дело венчает. Кто хочет — пусть нам верит, потому что я всегда берусь за дела только за невозможные; а кто веры не имеет, с тем делать нечего», — но что до меня касается, — прибавляет старушка, — то, представь ты себе мое искушение: я ему почему-то верю...

— Решительно, — говорю, — не знаю, отчего вы ему верите?

— Вообрази — предчувствие у меня, что ли, какое-то, и сны я вижу, и все это как-то так тепло убеждает довериться.

— Не подождать ли еще?

— Подожду, пока возможно. Но скоро это сделалось невозможно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Приезжает ко мне старушка в состоянии самой трогательной и острой горести: во-первых, настает рождество; во-вторых, из дому пижут, что дом на сих же днях поступает в продажу; и в-третьих, она встретила своего должника под руку с дамой и погналась за ними, и даже схватила его за рукав, и взывала к содействию публики, крича со слезами: «Боже мой, он мне должен!» Но это повело только к тому, что ее от должника с его дамою отвлекли, а привлекли к ответственности за нарушение тишины и порядка в людном месте. Ужаснее же этих трех обстоятельств было четвертое, которое заключалось в том, что должник старушки добыл себе заграничный отпуск и не позже как завтра уезжает с роскошною дамою своего сердца за границу — где наверно пробудет год или два, а может быть, и совсем не вернется, «потому что она очень богатая».

Сомнений, что все это именно так, как говорила старушка, не могло быть ни малейших. Она научилась зорко следить за каждым шагом своего неуловимого должника и знала все его тайности от подкупленных ею слуг. Завтра, стало быть, конец этой долгой и мучительной комедии: завтра он несомненно улизнет, и надолго, а может быть, и навсегда, потому что его компаньонка, всеконечно, не желала афишировать себя за миг иль краткое мгновенье.

Старушка все это во всех подробностях повергла уже обсуждению дельца, имеющего чин из четырнадцати овчин, и тот там же, сидя за ночвами у саечника в Мариинском пассаже, отвечал ей: «Да, дело кратко, но помочь еще можно: сейчас пятьсот рублей на стол, и завтра же ваша душа на простор; а если не имеете ко мне веры — ваши пятнадцать тысяч пропали».

— Я, друг мой, — рассказывает мне старушка, — уже решилась ему довериться... Что же делать: все равно ведь никто не берется, а он берется и твердо говорит: «Я вручу». Не гляди, пожалуйста, на меня так, глаза испытующи. Я нимало не сумасшедшая, — а и сама ничего не понимаю, но только имею к нему какое-то таинственное доверие в моем предчувствии, и сны такие снились, что я решилась и увела его с собою.

— Куда?

Да видишь ли, мы у саечника ведь только в одну пору, всё в обед встречаемся. А тогда уже поздно будет, — так я его теперь при себе веду и не отпущу до завтраго. В мои годы, конечно, уже об этом никто ничего дурного подумать не может, а за ним надо смотреть, потому что я должна ему сейчас же все пятьсот рублей отдать, и без всякой расписки.

— И вы решаетесь? — Конечно, решаюсь.

— Что же еще сделать можно? Я ему уже сто рублей задатку дала, и он теперь ждет меня в трактире, чай пьет, а я к тебе с просьбою: у меня еще двести пятьдесят рублей есть, а полтораоста нет. Сделай милость, ссуди меня, — я тебе возвращу. Пусть хоть дом продадут — все-таки там полтораоста рублей еще останется.

Знал я ее за женщину прекрасной честности, да и горе ее таксе трогательное, — думаю: отдаст или не отдаст — господь с ней, от полтораоста рублей не разбогатеешь и не обеднееешь, а между тем у нее мучения на душе не останется, что она не все средства испробовала, чтобы «вручить» бумажку, которая могла спасти ее дело.

Взяла она просимые деньги и поплыла в трактир к своему отчаянному дельцу. А я с любопытством дождал ее на следующее утро, чтобы узнать: на какое еще новое штукарство изловчатся плутовать в Петербурге?

Только то, о чем я узнал, превзошло мои ожидания: пассажный гений не постыдил ни веры, ни предчувствий доброй старушки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На третий день праздника она влетает ко мне в дорожном платье и с саквояжем, и первое, что делает, — кладет мне на стол занятые у меня полтораоста рублей, а потом показывает банковую, переводную расписку с пищиком на пятнадцать тысяч

— Глазам своим не верю! Что это значит?

— Ничего больше, как я получила все свои деньги с процентами.

— Каким образом? Неужто все это четырнадцативчинный Иван Иваныч устроил?

— Да, он. Впрочем, был еще и другой, которому он от себя триста рублей дал — потому что без помощи этого человека обойтись было невозможно.

— Это что же еще за деятель? Вы уж расскажите все, как они вам помогали!

— Помогли очень честно. Я как пришла в трактир и отдала Ивану Иванычу деньги — он сосчитал, принял и говорит: «Теперь, госпожа, поедем. Я, говорит, гений по мысли моей, но мне нужен исполнитель моего плана, потому что я сам таинственный незнакомец и своим лицом юридических действий производить не могу». Ездили по многим низким местам и по баням — всё искали какого-то «сербского сражателя», но долго его не могли найти. Наконец нашли. Вышел этот сражатель из какой-то ямки, в сербском военном костюме, весь оборванный, а в зубах пипочка из газетной бумаги, и говорит: «Я все могу, что кому нужно, но прежде всего надо выпить». Все мы трое в трактире сидели и торговались, и сербский сражатель требовал «по сту рублей на месяц, за три месяца». На этом решили. Я еще ничего не понимала, но видела, что Иван Иваныч ему деньги отдал, стало быть он верит, и мне полегче стало. А потом я Ивана Иваныча к себе взяла, чтобы в моей квартире находился, а сербского сражателя в бани ночевать отпустили с тем, чтобы утром явился. Он утром пришел и говорит: «Я готов!» А Иван Иваныч мне шепчет: «Пошлите для него за водочкой: от него нужна смелость. Много я ему пить не дам, а немножко необходимо для храбрости: настает самое главное его исполнение».

Выпил сербский сражатель, и они поехали на станцию железной дороги, с поездом которой старушкин должник и его дама должны были уехать. Старушка все еще ничего не понимала, что такое они замыслили и как исполнят, но сражатель ее успокаивал и говорил, что «все будет честно и благородно». Стала съезжаться к поезду публика, и должник явился тут, как лист перед травой, и с ним дама; лакей берет для них билеты, а он сидит с своей дамой, чай пьет и тревожно осматривается на всех. Старушка спряталась за Ивана Иваныча и указывает на должника — говорит: «Вот — он!»

Сербский воитель увидал, сказал «хорошо», и сейчас же встал и прошел мимо франта раз, потом во второй, а потом в третий раз, прямо против него остановился и говорит:

— Чего это вы на меня так смотрите? Тот отвечает:

— Я на вас вовсе никак не смотрю, я чай пью.

— А-а! — говорит воитель, — вы не смотрите, а чай пьете? так я же вас заставлю на меня смотреть, и вот вам от меня к чаю лимонный сок, песок и шоколаду кусок!..

— Да с этим — хлоп, хлоп, хлоп! его три раза по лицу и ударил.

Дама бросилась в сторону, господин тоже хотел убежать и говорил, что он теперь не в претензии; но полиция подскочила и вмешалась: «Этого, говорит, нельзя: это в публичном месте», — и сербского воителя арестовали, и побитого тоже. Тот в ужасном был волнении — не знает: не то за своей дамой броситься, не то полиции отвечать. А между тем уже и протокол готов, и поезд отходит... Дама уехала, а он остался... и как только объявил свое звание, имя и фамилию, полицейский говорит: «Так вот у меня кстати для вас и бумажка в портфеле есть для вручения». Тот — делать нечего — при свидетелях поданную ему бумагу принял и, чтобы освободить себя от обязательств о невыезде, немедленно же сполна и с процентами уплатил чеком весь долг свой старушке.

Так были побеждены неодолимые затруднения, правда восторжествовала, и в честном, но бедном доме водворился покой, и праздник стал тоже светел и весел.

Человек, который нашелся — как уладить столь трудное дело, кажется, вполне имеет право считать себя в самом деле гением.

Пополни свой словарь

слово	значение

Поразмышляй над прочитанным

1. Почему старушка решила выручить из беды одного великосветского франта?
2. Какие черты выделяет в ней автор?
3. Почему хлопоты старушки были безуспешны?
4. Почему нельзя было приструнить должника? О чем это говорит?
5. Какой случай помог ей в решении трудной проблемы?
6. Почему старушка поверила Ивану Ивановичу?
7. Почему рассказчик поверил старушке и помог ей деньгами?
8. Что заставило господина вернуть деньги с процентами?
9. Почему рассказ назван «Старый гений»?

Творческая мастерская

Неблагодарность – один из худших человеческих пороков
Из-за бездействия и равнодушия властей страдают от несправедливости простые люди. Отрадно, что им на помощь приходят такие же простые, но честные, порядочные и находчивые люди, как «гений Иван Иванович»
Нужно стремиться к тому, чтобы всем людям было хорошо.

Составь СИНКВЕЙН на тему «Лесков», «Старушка», «Иван Иванович»

Тема – 1 слово (имя существительное)

Описание темы – 2 слова (имя прилагательное)

Описание действия – 3 слова (глагол)

Отношение к теме – фраза из 4-х слов
(предложение, цитата)

Суть темы – 1 слово (синоним)

или заполни таблицу

Герои	Качества	Ассоциативное слово

Афиша

Добро, милосердие и сочувствие—это слова одного синонимического ряда. Они присущи человеку с горячим сердцем, человеку, который сам испытал какую-то боль, затруднения в жизни. Очень часто милосердными становятся бедные люди.

Именно о таких людях написал свой рассказ Л.Н.Толстой. Он назвал рассказ «Бедные люди», а поведал нам историю нравственной чистоты многодетной женщины по имени Жанна.

Замечательный рассказ никого не оставит равнодушным.

Познакомься с произведением

В рыбацкой хижине сидит у огня Жанна, жена рыбака, и чинит старый парус. На дворе свистит и воет ветер и, плескаясь и разбиваясь о берег, гудят волны... На дворе темно и холодно, на море буря, но в рыбацкой хижине тепло и уютно. Земляной пол чисто выметен; в печи не потух еще огонь; на полке блестит посуда. На кровати с опущенным белым пологом спят пятеро детей под завывание бурного моря. Муж-рыбак с утра вышел на своей лодке в море и не возвращался еще. Слышит рыбацкая гул волн и рев ветра. Жутко Жанне.

Старые деревянные часы с хриплым боем пробили десять, одиннадцать... Мужа все нет. Жанна задумывается. Муж не жалеет себя, в холод и бурю ловит рыбу, Она сидит с утра до вечера за работой. И что же? Еле-еле кормятся. А у ребят все нет обуви, и летом и зимой бегают босиком; и хлеб едят не пшеничный, — хорошо и то, что хватает ржаного.

* * *

Только и приправы к еде, что рыба. «Ну, да слава богу, дети здоровы. Нечего жаловаться, — думает Жанна и опять прислушивается к буре. — Где-то он теперь? Сохрани его, господи, спаси и помилуй!» — говорит она и крестится.

Спать еще рано. Жанна встает, накидывает на голову толстый платок, зажигает фонарь и выходит на улицу посмотреть, не тише ли стало море, не светает ли, и горит ли лампа на маяке, и не видать ли лодки мужа. Но на море ничего не видно. Ветер рвет с нее платок и чем-то оторванным стучит в дверь соседней избушки, и Жанна вспоминает о том, что она еще с вечера хотела зайти проведать больную соседку. «Некому и приглядеть за ней», — подумала Жанна и постучала в дверь. Прислушалась... Никто не отвечает.

«Плохое вдовье дело, — думает Жанна, стоя у порога. — Хоть и немного детей — двое, а все одной обдумать надо. А тут еще болезнь! Эх, плохое вдовье дело. Зайду проведу!».

Жанна постучала еще и еще. Никто не отвечал.

— Эй, соседка! — крикнула Жанна. «Уж не случилось ли что», — подумала она и толкнула дверь.

В избушке было сыро и холодно. Жанна подняла фонарь, чтобы оглядеть, где больная. И первое, что ей бросилось в глаза, — это постель прямо против двери, и на постели она, соседка, лежит на спине так тихо и неподвижно, как лежат только мертвые. Жанна поднесла Фонарь еще ближе. Да, это она. Голова закинута назад; на холодном, посиневшем лице спокойствие смерти. Бледная мертвая рука, будто потянувшаяся за чем-то, упала и свесилась с соломы. И тут же, недалеко от мертвой матери, двое маленьких детей, кудрявых и толстощеких, прикрытых старым платьем, спят, скорчившись и прижавшись друг к другу белокурыми головками. Видно, мать, умирая, еще успела закутать им ножки старым платком и накрыть их своим платьем. Дыхание их ровно и спокойно, они спят сладко и крепко.

Жанна снимает колыбельку с детьми и, закутав их платком, несет домой. Сердце ее сильно бьется; она сама не знает, как и зачем она сделала это, но она знает, что не могла не сделать то, что сделала.

Дома она кладет непроснувших детей на кровать с своими детьми и торопливо задергивает полог. Она бледна и взволнованна. Точно мучит ее совесть. «Что-то скажет он?.. — сама с собой говорит она. — Шутка ли, пятеро своих ребятишек — мало еще ему было с ними заботы... Это он?.. Нет, нет еще!.. И зачем было брать!.. Прибьет он меня! Да и поделом, я и стою того. Вот он! Нет!.. Ну, тем лучше!»

Дверь скрипнула, будто кто вошел. Жанна вздрогнула и приподнялась со стула.

«Нет. Опять никого! Господи, и зачем я это сделала?.. Как ему теперь в глаза взгляну?..» И Жанна задумывается и долго сидит молча у кровати.

Дождь перестал; рассвело, но ветер гудит, и море ревет по-прежнему.

Вдруг дверь распахнулась, в комнату ворвалась струя свежего морского воздуха, и высокий смуглый рыбак, волоча за собой мокрые разорванные сети, входит в горницу со словами:

Вот и я, Жанна!

— Ах, это ты! — говорит Жанна и останавливается, не смея поднять на него глаза.

— Ну, уж ночь! Страх!

— Да, да, погода была ужасная! Ну, а как ловля?

— Дрянь, совсем дрянь! Ничего не поймал. Только сети разорвал. Плохо, плохо!..

Да, я тебе скажу, и погодка ж была! Кажется, такой ночи и не запомню. Какая там ловля! Слава богу, что жив домой добрался... Ну, а ты что тут без меня делала?

Рыбак втащил сети в комнату и сел у печки.

— Я? — сказала Жанна, бледнея. — Да что ж я... Сидела шила... Ветер так завывал, что страшно становилось. Боялась за тебя.

— Да, да, — пробормотал муж, — погода чертовски скверная! Да что поделаешь!

Оба помолчали.

— А знаешь, — сказала Жанна, — соседка-то Симон умерла.

— Ну?

— И не знаю когда; верно, еще вчера. Да, тяжело ей было умирать. Да и за детей-то, должно быть, как сердце болело! Ведь двое детей — крошки... Один еще не говорит, а другой чуть начинает ползать...

Жанна замолчала. Рыбак нахмурился; лицо его сделалось серьезно, озабоченно.

— Ну, дела! — проговорил он, почесывая в затылке. — Ну, да что станешь делать!

Придется взять, а то проснутся, каково им с покойницей? Ну, да что уж, как-нибудь перебьемся! Ступай же скорей!

Но Жанна не двигалась с места.

— Что ж ты? Не хочешь? Что с тобой, Жанна?

— Вот они, — сказала Жанна и отдернула полог.

Афиша

Этот рассказ позволит нам связать воедино прошлое, настоящее и будущее и понять, что в наших руках «построить» спасительный мост над бездной, куда неудержимо устремляется человечество, - мост, сложенный из важных духовных составляющих: нравственности, традиции, любви и красоты. Без этого человечество обречено на вымирание и гибель.

Познакомьтесь с произведением

На главной площади очередь установилась еще в пять часов, когда за выбеленными инеем полями пели далекие пегухи и нигде не было огней. Тогда вокруг, среди разбитых зданий, клочьями висел туман, но теперь, в семь утра, рассвело, и он начал таять. Вдоль дороги по двое, по трое подстраивались к очереди еще люди, которых приманил в город праздник и базарный день.

Мальчишка стоял сразу за двумя мужчинами, которые громко разговаривали между собой, и в чистом холодном воздухе звук голосов казался вдвое громче.

Мальчишка притопывал на месте и дул на свои красные, в цыпках, руки, поглядывая то на грязную, из грубой мешковины, одежду соседей.

- Слышь, парень, ты-то что здесь делаешь в такую рань? - сказал человек за его спиной.

- Это мое место, я тут очередь занял, - ответил мальчик.

- Бежал бы ты, мальчик, отсюда, уступил бы свое место тому, кто знает в этом толк!

- Оставь в покое парня, - вмешался, резко обернувшись, один из мужчин, стоящих впереди.

- Я же пошутил. - Задний положил руку на голову мальчишки. Мальчик угрюмо стряхнул ее. - Просто подумал, чудно это-ребенок, такая рань, а он не спит.

- Этот парень знает толк в искусстве, ясно? - сказал заступник, его фамилия была Григсби. - Тебя как звать-то, малец?

- Том.

- Наш Том, уж он плюнет что надо, в самую точку-верно. Том?

- Точно!

Смех покотился по шеренге людей.

Впереди кто-то продавал горячий кофе в треснувших чашках. Поглядев Туда, Том увидел маленький жаркий костер и бурлящее варево в ржавой кастрюле. Это был не настоящий кофе. Его заварили из каких-то ягод, собранных на лугах за городом, и продавали по пенни чашка, согреть желудок, но мало кто покупал, мало кому это было по карману.

Том устремил взгляд туда, где очередь пропадала за разваленной взрывом каменной стеной.

- Говорят, она улыбается, - сказал мальчик.

- Ага, улыбается, - ответил Григсби.

- Говорят, она сделана из краски и холста.

- Точно. Потому-то и сдается мне, что она не подлинная. Та, настоящая, - я слышал - была на доске нарисована, в незапамятные времена.

- Говорят, ей четыреста лет.

- Если не больше. Коли, уж на то пошло, никому не известно, какой сейчас год.

Две тысячи шестьдесят первый!

- Верно, так говорят, парень, говорят. Брешут. А может, трехтысячный! Или пятитысячный! Почем мы можем знать? Сколько времени одна сплошная катавасия была... И достались нам только рожки да ножки.

Они шаркали ногами, медленно продвигаясь вперед по холодным камням мостовой.

- Скоро мы ее увидим? - уныло протянул Том.

- Еще несколько минут, не больше. Они огородили ее, повесили на четырех латунных столбиках бархатную веревку, все честь по чести, чтобы люди не подходили слишком близко. И учти, Том, никаких камней, они запретили бросать в нее камни.

- Ладно, сэр.

Солнце поднималось все выше по небосводу, неся тепло, и мужчины сбросили с себя измазанные дерюги и грязные шляпы.

- А зачем мы все тут собрались? - спросил, подумав, Том. - Почему мы должны плевать?

Григсби и не взглянул на него, он смотрел на солнце, соображая, который час.

- Э, Том, причин уйма. - Он рассеянно протянул руку к карману, которого уже давно не было, за несуществующей сигаретой. Том видел это движение миллион раз. - Тут все дело в ненависти, ненависти ко всему, что связано с Прошлым. Ответь-ка ты мне, как мы дошли до такого состояния? Города-груды развалин, дороги от бомбежек-словно пила, вверх-вниз, поля по ночам светятся, радиоактивные... Вот и скажи, Том, что это, если не последняя подлость?

- Да, сэр, конечно.

- То-то и оно... Человек ненавидит то, что его сгубило, что ему жизнь поломало. Так уж он устроен. Неразумно, может быть, но такова человеческая природа.

- А если хоть кто-нибудь или что-нибудь, чего бы мы не ненавидели? - сказал Том.

- Во-во! А все эта орава идиотов, которая заправляла миром в Прошлом! Вот и стоим здесь с самого утра, кишки подвело, стучим от холода зубами-ядовитые троглодиты, ни покурить, ни выпить, никакой тебе утечи, кроме этих наших праздников, Том. наших праздников...

Том мысленно перебрал праздники, в которых участвовал за последние годы. Вспомнил, как рвали и жгли книги на площади, и все смеялись, точно пьяные. А праздник науки месяц тому назад, когда притащили в город последний автомобиль, потом бросили жребий, и счастливики могли по одному разу долбануть машину кувалдой!..

- Помню ли я, Том? Помню ли? Да ведь я же разбил переднее стекло-стекло, слышишь? Господи, звук-то какой был, прелесть! Тррахх!

Том и впрямь словно услышал, как стекло рассыпается сверкающими осколками.

А Биллу Гендерсону досталось мотор раздолбать. Эх, и лихо же он это сработал, прямо мастерски. Бамм! Но лучше всего, - продолжал вспоминать Григсби, - было в тот раз, когда громили завод, который еще пытался выпускать самолеты. И отвели же мы душеньку!

А потом нашли типографию и склад боеприпасов - и взорвали их вместе! Представляешь себе, Том?

Том подумал.

- Ага.

Полдень. Запахи разрушенного города отравляли жаркий воздух, что-то копошилось среди обломков зданий.

- Сэр, это больше никогда не вернется?

- Что, цивилизация? А кому она нужна? Во всяком случае не мне!

- А я так готов ее терпеть, - сказал один из очереди. - Не все, конечно, но были и в ней свои хорошие стороны...

- Чего зря болтать-то! - крикнул Григсби. - Все равно впустую.

- Э, - упорствовал один из очереди, - не торопитесь. Вот увидите: еще появится башковитый человек, который ее подлатает. Попомните мои слова. Человек с душой.

- Не будет того, - сказал Григсби.

- А я говорю, появится. Человек, у которого душа лежит к красивому. Он вернет нам-нет, не старую, а, так сказать, ограниченную цивилизацию, такую, чтобы мы могли жить мирно.

Не успеешь и глазом моргнуть, как опять война!

- Почему же? Может, на этот раз все будет иначе. Наконец и они вступили на главную площадь. Одновременно в город въехал верховой; держа в руке листок бумаги, Огороженное пространство было в самом центре площади. Том, Григсби и все остальные, копя слюну, подвигались вперед - шли, изготовившись, предвкушая, с расширившимися зрачками. Сердце Тома билось часто-часто, и земля жгла его босые пятки.

- Ну, Том, сейчас наша очередь, не зевай! - По углам огороженной площадки стояло четверо полицейских-четверо мужчин с желтым шнурком на запястьях, знаком их власти над остальными. Они должны были следить за тем, чтобы не бросали камней.

Это для того, - уже напоследок объяснил Григсби, - чтобы каждому досталось плюнуть по разку, понял, Том? Ну, давай!

Том замер перед картиной, глядя на нее.

- Ну, плюй же!

У мальчишки пересохло во рту.

- Том, давай! Живее!

- Но, - медленно произнес Том, - она же красивая!

- Ладно, я плюну за тебя!

Плевок Григсби блеснул в лучах солнца. Женщина на картине улыбалась таинственно-печально, и Том, отвечая на ее взгляд, чувствовал, как колотится его сердце, а в ушах будто звучала музыка.

Она красивая, - повторил он.

- Иди уж, пока полиция...

- Внимание!

Очередь притихла. Только что они бранили Тома - стал как пень! - а теперь все повернулись к верховому.

- Как ее звать, сэр? - тихо спросил Том.

- Картину-то? Кажется, "Мона Лиза"... Точно: "Мона Лиза".

- Слушайте объявление, - сказал верховой. - Власти постановили, что сегодня в полдень портрет на площади будет передан в руки здешних жителей, дабы они могли принять участие в уничтожении...

Том и ахнуть не успел, как толпа, крича, толкаясь, мечась, понесла его к картине. Резкий звук рвущегося холста... Полицейские бросились наутек. Толпа выла, и руки клевали портрет, словно голодные птицы. Том почувствовал, как его буквально швырнули сквозь разбитую раму. Слепо подражая остальным, он вытянул руку, схватил клочок лоснящегося холста, дернул и упал, а толчки и пинки вышибли его из толпы на волю. Весь в ссадинах, одежда разорвана, он смотрел, как старухи жевали куски холста, как мужчины разламывали раму, поддавали ногой жесткие лоскуты, рвали их в мелкие-мелкие клочья.

Один Том стоял притихший в стороне от этой свистопляски. Он глянул на свою руку. Она судорожно притиснула к груди кусок холста, пряча его.

- Эй, Том, ты что же! - крикнул Григсби. Не говоря ни слова, всхлипывая. Том побежал прочь. За город, на испещренную воронками дорогу, через поле, через мелкую речушку, он бежал и бежал, не оглядываясь, и сжатая в кулак рука была спрятана под куртку. Будто звучала музыка.

На закате он достиг маленькой деревушки и пробежал через нее. В девять часов он был у разбитого здания фермы. За ней, в том, что осталось от силосной башни, под навесом, его встретили звуки, которые сказали ему, что семья спит-спит мать, отец, брат. Тихонько, молча, он скользнул в узкую дверь и лег, часто дыша.

- Том? - раздался во мраке голос матери.

- Да.

- Где ты болтался? - рявкнул отец. - погоди, вот я тебе утром всыплю...

Кто-то пнул его ногой. Его собственный брат, которому пришлось сегодня в одиночку трудиться на их огороде.

- Ложись! - негромко прикрикнула на него мать.

Еще пинок.

Том дышал уже ровнее. Кругом царил тишина. Рука его была плотно-плотно прижата к груди. Полчаса лежал он так, зажав глаза.

Потом ощутил что-то: холодный белый свет. Высоко в небе плыла луна, и маленький квадратик света полз по телу Тома. Только теперь его рука ослабила хватку. Тихо, осторожно, прислушиваясь к движениям спящих, Том поднял ее. Он помедлил, глубоко-глубоко вздохнул, потом, весь ожидание, разжал пальцы и разгладил клочок закрашенного холста.

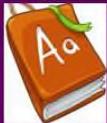
Мир спал, освещенный луной.

А на его ладони лежала Улыбка.

Он смотрел на нее в белом свете, который падал с полуночного неба. И тихо повторял про себя, снова и снова: "Улыбка, чудесная улыбка..."

Час спустя он все еще видел ее, даже после того как осторожно сложил ее и спрятал. Он закрыл глаза, и снова во мраке перед ним - Улыбка. Ласковая, добрая, она была Там и тогда, когда он уснул, а мир был объят безмолвием, и луна плыла в холодном небе сперва вверх, потом вниз, навстречу утру.

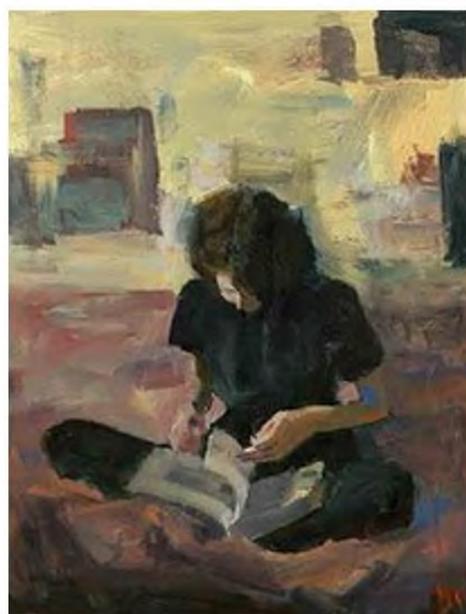
Пополни свой словарь

СЛОВО	ЗНАЧЕНИЕ

Поразмышляй над прочитанным

1. Почему рассказ называется «Улыбка»?
2. О чём же предупреждает нас своим рассказом Р. Брэдбери?
Какую идею он хотел донести до читателя?

Творческая мастерская

1. Напиши литературный диктант

1. Какое время описывается в рассказе ?	
2. Что произошло с городом, с Миром?	
3. Чем занимаются жители города в праздник науки?	
4. Что делают люди в праздник живописи?	
5. Сколько лет Моне Лизе?	
6. Как относятся люди к цивилизации?	
7. Кто главенствует над этими людьми?	
8. Какое чувство в людях самое большое?	
9. Как зовут главного героя рассказа?	
10. В нем есть то, чего уже не осталось в людях, что именно?	

2. Какие ассоциации у тебя возникают сейчас при слове "праздник"? Составь кластер.

Handwriting practice lines consisting of 20 horizontal lines. The top 18 lines are evenly spaced. The bottom 2 lines are shorter and positioned on either side of the central illustration.

